

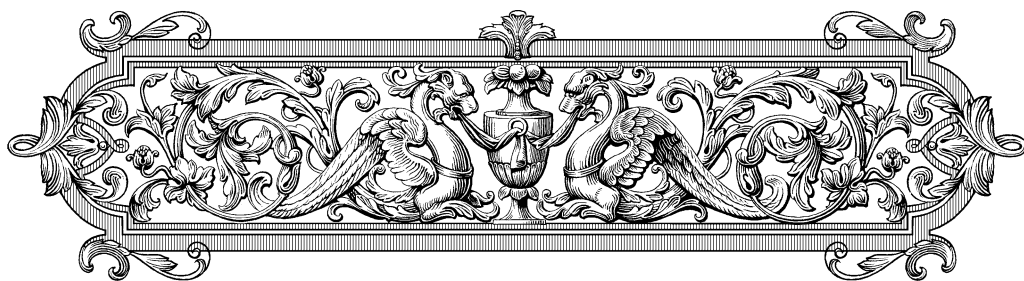
МУДРОСТЬ ВЕКОВ

ИГОРЬ ГАРИН

ВЛАСТЬ И СВОБОДА

Харьков
«ФОЛИО»
2020

ГЛАВА 1

ВЛАСТЬ

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВЛАСТЬ!

Цель власти есть власть.

Дж. Оруэлл

Каждый ко власти тогда и к господству над всеми стремился.
Некие люди затем избранью властей научили
И учредили права, дабы люди держались законов.
Род же людской до того истомился насилием вечным
И до того изнемог от раздоров, что сам добровольно
Игу законов себя подчинил и стеснительным нормам.

«Да здравствует власть?» — Да, да здравствует власть! Так называется книга Ж. Зиглера и называется потому, что власть традиционна, вездесуща, необходима, обязательна; потому, что стремление к ней — неотъемлемое человеческое качество; потому, что она необходима везде, где существует несправедливость, а несправедливость тотальна; потому, что она — инструмент принятия решений, средство борьбы за грядущее, результат стремления человека к собственной безопасности.

Сопrotивляться институту власти — значит восставать против жизни, говорил Сантаяна.

У каждой социальной группы, как и у каждого индивидуума есть экспансионистские замашки, коренящиеся в инстинкте самосохранения и зачастую выходящие за пределы требований последнего. Так воля к жизни превращается в волю к власти.

Многие интеллектуалы рассматривают историю власти как смену одних видов саранчи другими, но это опасное заблуждение. Во-первых, не любая власть — саранча. Во-вторых, общество без власти и есть саранча.

Конечно, власть изначально биологична. Инстинкт власти гарантирует лучшую пищу, превосходство и удовлетворение животного тщеславия. Но переносить биологию на высшие формы власти — значит пренебрегать политической культурой, отрицать демократизацию власти как таковую.

Каждая форма власти является одновременно обещанием определенного будущего, и поэтому люди мирятся с властью, подчиняются ее авторитету и вообще для этого ее создают.

Власть как сила на службе идее и как идея на службе силы.

Власть как сила, но и контроль над силой.

Власть как экспансия, но и принятие на себя ответственности, гарантия прав и свобод.

Свобода неотделима от принуждения, власть неотделима от понуждения. Но альтернативы, кроме анархии, нет, а анархия хуже любой власти, даже тоталитарной. Уже Платон понимал это, когда создавал учение о страстях. Раз существуют человеческие страсти, должен быть и инструмент их обуздания, а лучший инструмент — это власть и право, власть права.

Укрепление института власти было реакцией на анархизм, дававший рецидивы всякий раз, когда трещал абсолютизм. Платон, Гоббс, Макиавелли — это реакции на «анархию».

Принято считать, что античный мир вышел из анархии и завершился Римской империей. Римская империя вышла из анархии и завершилась Церковью. Церковь вышла из анархии и завершилась Средневековьем. Средневековье вышло из Алариха и завершилось Возрождением. Новое время вышло из анархии и привело к тоталитаризму. Всё это понудило такого пронизательного человека как Рассел опрометчиво заявить:

Проблему длительного и удовлетворительного социального порядка можно решить, лишь соединив основательность Римской империи и «града божьего» Св. Августина.

Заблуждение состоит в том, что тирания и демократия чередуются. Хотя после Микенской культуры, Платона и Аристотеля накопилось множество свидетельств наличия политических циклов Вико, они — лишь форма, а не содержание политического развития. Формы власти не чередуются, сама власть эволюционирует, пусть с рецидивами, падениями и возвратами, но — от пещер к небоскребам.

Так или иначе власть, как и человек, включает две компоненты: незыблемую и вариабельную, природную и культурную.

Главная опасность власти — в самой власти... Увы, противник деспотизма — чуть-чуть деспот. Скажи мне, что ты ненавидишь, и я скажу тебе, кто ты. Ничто человеческое... Придя к власти, демократы с удовольствием освобождаются от оппозиции. Не всем дано быть Элиотами, декларирующими необходимость врагов. Как оленям нужны волки, так властям нужны оппоненты, иначе — тоталитаризм, коллапс...

Так или иначе спасения от власти нет. Можно укрыться от государя, от себя не убежишь. «Сегодня государь — другое имя Мира, господин — метафора бытия». Поэтому восстание против господ — параноический бред душевнобольного, вознамерившегося «великой идеей» изменить мир. Понять это можно, изучая эволюцию власти, обращаясь к опыту всех «революционеров» — от Кромвеля и Робеспьера до фюреров и вождей, ставших неизмеримо большими насильниками и притеснителями, чем низвергнутые ими.

Власть заложена в природе жизни: во врожденной потребности повелевать и повиноваться, что, впрочем, не означает разделения этих функций. Принято считать, что покорность одних украшает других, но это не верно: чтобы властвовать, надо подчиняться. Вся система господства, именуемая иерархией власти, построена по принципу подчинения-властвования. Встроиться в иерархию способен лишь тот, кто ради господства готов к подчинению и даже унижению.

Человек немислим без воли, сообщество — без власти. Везде, где есть контроль или надзор, есть власть. Власть как способ принуждения, как

угроза, как стимул, как средство убеждения, как набор обязательств, как условие порядка и... свободы. Адвокат из Арраса так и говорил: власть как деспотизм свободы.

Власть есть условие порядка и свободы, невозможной иначе как в условиях порядка.

Да, именно так: насилие и принуждение как условия свободы.

Власть *ipso facto*, самым условием своего существования, должна быть сильной, ибо бессильная власть — это не просто хаос, но предпосылка к бунту и войне, куда более губительным, чем власть. Как там у Флорентийского Секретаря? — Вооруженные пророки побеждают, безоружные погибают.

Власть — это принуждение, которому подчиняются. С одной стороны — предписания и законы, с другой — убеждение, вера в то, что подчинение законно, справедливо, похвально. «Власть есть сила на службе цели». Принуждение власти считается извечным и потому привычным — как ветер, солнце, дождь, говорит Дюверже.

Но определение власти как принуждения сужает понятие. Власть многолика, изменчива, разнообразна. Власть неотделима от культуры и отправляется не только через лобное место, как привыкли *мы*, но и через демократические традиции, либеральные билли о правах, нормы, ценности, согласие, как привыкли *они*.

Важна не власть, а *какая* власть.

Платон насчитывал четыре типа власти: тимократию, олигархию, демократию и тиранию, вечно сменяющие друг друга. К этому можно добавить множество разновидностей: тео-, плуто-, охло-, парто-, меритократию, авторитаризм и тоталитаризм, но важны не эти разновидности с их ускользающими чертами, а возможность восхождения от власти-насилия к власти-свободе.

По Веберу, власть есть возможность осуществлять собственную волю внутри определенной социальной группы вопреки внутреннему протесту последней, независимо от того, на чем эта возможность основана.

Б. Рассел для обозначения политического насилия, направленного на запугивание граждан, ввел понятие «чистой власти». «Чистая власть», писал он, аналогична власти мясника над овцой или разбойника над жертвой. «Чистая власть» обычно возникает при внутренней тирании или захватническом порабощении. Чистая власть не отягощена моральными ограничениями. Она всегда сопутствует возникновению и становлению новых политических структур.

Можно выделить три фазы развития власти:

- фаза новой, фанатичной веры, ведущая к захвату власти;
- фаза подчинения граждан новой власти, беспощадной к противникам;
- фаза возникновения оппозиции к новым идеалам и верованиям, по отношению к которым власть вновь прибегает к методам подавления и насилия.

Сменить традиционную может не «чистая», а революционная власть. Чтобы утвердить себя и при этом использовать минимум насилия, ей требуется намного более сильная и активная поддержка населения, чем это необходимо для осуществления полномочий традиционной власти. Если же борьба была длительной и суровой, то новая власть часто принимает форму «чистой». При успешном завершении революции устанавливается система, в скором времени воспринимаемая населением как традиционная.

Власть не столько насилие, сколько воздействие на ум и душу, способ подчинения доктрине. Власть — это идеи и ценности, их эффективность. Этическая ценность власти — в ее культуротворческой способности. Даже плохая власть творит новое самоотрицанием.

Отступление. Насильственная компонента власти породила анархизм. Наивный анархизм Годвина и Прудона исходил из того, что достаточно осознать несовместимость власти с общим благом или справедливостью, как власть уничтожится сама собой. Бакунин, Кропоткин, Штирнер, Тёккер, Спиридонова призывали ликвидировать власть насильственным путем. При анархии, полагали они, личный интерес и сознание каждого индивида обеспечат всеобщее благоденствие в отсутствие власти. История преподала нам урок сверхвласти, но разгул анархии на Руси был бы не менее опасен.

* * *

Власть вездесуща. Не в том смысле, что она всё охватывает, а в том, что она отовсюду истекает.

М. Фуко

Власть — категория, далеко выходящая за пределы государства: власть — в организации, в семье, в шайке, во взаимоотношениях полов и людей. Власть возникает всякий раз, когда один пытается подчинить другого. Власть — человеческое качество, мера физического и духовного насилия, атавизм стада и... мера человеческой культуры.

Стремление к власти — независимо от форм, которое оно принимает — это стремление к власти над духовным началом мира...

Согласно «новым философам» (Г. Жамбе, Ги Лардро, А. Глюксман), история человечества может быть представлена в виде двух историй — господства одних и подчинения других. Соответственно существует два дискурса — господства и бунта: «История сводится к борьбе между подавляющим и подавляемым», между теми, кто обладает властью, и теми, кто к ней стремится. Все философские системы Нового времени, сообразно этому, являются не столько философиями «торжества разума», сколько скрытым выражением «воли к господству».

Власть выходит из недр социума, пронизывает все социальное тело и прорастает над ним. Власть — строительный материал общества, она «скорее закладывает основы общества, чем упорядочивает его» (Б. А. Леви). Все социальные связи носят властный характер.

Власть не может быть локализована — она заполняет мир, она есть «место всех мест». Вездесущность власти означает «встроенность» господства-подчинения в структуру мира. Господство не имеет иного измерения, кроме господства (способности производить подчинение). Связь господство-подчинение не может быть разрушена: нет господства самого по себе и подчинения самого по себе. Нет и чистого угнетения: мы угнетены без угнетения, потому что подавление-подчинение — структура психического.

Поскольку властитель понимается Леви как бытие сознания, соответственно трактуется и природа самой революции. Она, пишет

Леви, представляет собой «бытие разума в том смысле, в котором я говорил о власти». Последнее полностью объясняет, почему социальные движения, в том числе и революции, никогда не могут привести к радикальным переменам. Любая классовая борьба теряет свой социально-политический смысл, ибо «нет контрвласти, которая не являлась бы формой другой власти».

Власть — это внушение, гипноз, подчинение психики людей. Власть — это провокация, подавление критического мышления, организация индивидов в массу, толпу. Власть — это агрессия, средство возбуждения агрессивного потенциала народа; науськивания одного народа на другой, разжигания низменных страстей, поддержания высокого насильственного уровня общества-стаи.

Власть — не только иерархия или пирамида, власть — проявление любых общественных отношений, будь-то учитель и ученик, клиент и официант, два незнакомца в гостинице. Власть можно не замечать, как не замечают тяжести воздуха, что не мешает ему давить, говорит Марсель. Поэтому власть важно определить: власть — это всё, что понуждает влиять и повиноваться влиянию.

В политологии власть отождествляют с престижем, контролем и влиянием. Власть — способность одних влиять на поведение других. В основе власти лежит свойство одних подчиняться другим при ползущей границе подчинения. Отличие государственной власти от любой иной лишь в масштабах влияния, степени охвата и мощи.

Важен не вид власти, а ее качество: не *что*, а *кто*. Аристотель и Макиавелли понимали это лучше, чем Мавр. Не демократия противостоит монархии, а три положительные формы — монархия, аристократия и демократия — противостоят трем извращенным — тирании, олигархии и анархии.

И еще: важен возраст власти. В О б р а з л о в к е Ануй подметил важное качество власти: чем она моложе, тем кровавее ее первые шаги. Это еще одна причина страхов перед властью революционной.

С 1960 по 1977 год в развивающихся странах произошло более двухсот (!) «революций», только в одной Африке свергнуто 35 правительств. И — что?.. Только одно — все та же отсталость, а переворотами отсталости не устранить.

Сама природа власти и способы борьбы за нее медленно меняются. Грубость и варварские формы насилия в эпоху Светония, затем — макиавеллизм, затем — Просвещение. Чем культурнее общество, тем чаще физическое насилие уступает иным формам борьбы: избирательные кампании, парламентские дебаты, дискуссии в комиссиях, компромиссы, консенсус, «битва журналов», меритократия, или иерархия достойных, ненасильственное сопротивление...

Самый грозный из мифов — культ власти. Самый опасный — культ безвластия. Бороться надо не с властью, а с «похотью господства», с деспотизмом, монопартизмом, племенным варварством тираний и вождей.

Ненависть к власти сродни преклонению перед ней. Речь здесь идет не об уходе в такие сферы, откуда власть видится мелкой прихотью плоти — и только, не об индуистской нирване, шовианском спокойствии, гессенской Касталии или музилевском интеллектуальном высокомерии, а о той достойной человека титанической работе, которая преследует цель эволюционным путем превратить вожака стаи в творца, способного обуздать похоть силы и унижение страха.

Власть как способ обуздания человеческих страстей, а не как средство для их разгула. Не хаос против хаоса и не от одного хаоса к другому, а от варварства к культуре.

Власть не есть добро или зло, она только потенция. Она определяется качеством элит и степенью омассовления. Власть может усилить темный фон бытия, а может гуманизировать общество — все дело в количестве запасенного духа и в качестве общества.

Парадоксально, но марксизм, приведший к тоталитаризму, явно недооценивал роль политической власти, ставя ее по важности воздействия на общество на третье место после развития техники и системы экономических классовых отношений. С точки зрения Маркса власть не определяет и не контролирует экономическую мощь, а экономическая свобода способствует не прогрессу, а эксплуатации. Маркс не узрел того, что затем использовали его последователи: политика, власть, став тоталитарными, оказываются — по крайней мере временно — всемогущими. Власть дурна не потому, что находится в руках буржуазии, но потому, что «под знаменем марксизма» может стать тотальной, то есть властью над мыслями и желаниями людей.

Оставаясь приверженцами своей формулы диктатуры пролетариата, марксисты так и не поняли, что всякая власть — политическая не в меньшей мере, чем экономическая, — опасна.

Бюрократизация власти всегда чревата ее тоталитаризацией, империализацией. Как только правило подменяет человека, людям грозит опасность. Идеальная власть — это ответственность, децентрализация и персонификация. Институту власти еще предстоит Реформация, подобная той, которую Лютер и Кальвин осуществили в католичестве.

Функции управления следует передать не государству, которое тоже становится огромным конгломератом, а сравнительно небольшим районам, где люди знают друг друга и могут судить друг о друге, а значит, могут активно участвовать в управлении делами своего собственного сообщества.

Активное и ответственное участие в делах общества требует замены бюрократического способа управления гуманистическим.

Э. Фромм приводит крайний пример бюрократизации власти в тоталитарном государстве, когда «идеальный бюрократ» превращается в «идеального палача».

Примером такого бюрократа был Эйхман. Он послал сотни тысяч евреев на смерть не потому, что он их ненавидел; он никого не любил и никого не ненавидел. Эйхман «выполнял свой долг»: он исполнял свой долг, когда посылал евреев на смерть; он исполнял свой долг и тогда, когда ему было поручено просто ускорить их эмиграцию из Германии. Выполнять установленные правила — вот что имело для него первостепенное значение; он испытывал чувство вины, только когда нарушал эти правила. Сам Эйхман утверждал (чем и усугубил свою вину), что за всю жизнь чувствовал себя виновным лишь дважды: когда в детстве прогулял уроки и когда не подчинился приказу находиться в укрытии при воздушном налете.

Садизм вовсе не обязателен для тех, кто боготворит правило, но каждый бюрократ, наслаждающийся своей властью над людьми, немного Эйхман.

Мир меняет не тип власти, но ее гуманизация, культивация ее основ. Демократия — не очень удачное слово, дело не в народности, общественности, советах, а в подконтрольности, подзаконности власти, в социальной механике, в прочности и надежности института разделения властей и в степени их рассредоточения.

К. Ясперс: «Благодаря несовпадению власти и высшей ценности несчастье в мире радикально». Но это несовпадение может увеличиваться, и тогда возникают тоталитарные режимы, а может уменьшаться, и тогда возникает возможность меритократии, власти достойных.

Воля к власти только шифр. Она может быть волей к насилию, а может — орудием познания, волей к интерпретации, знаком рангового порядка общественных отношений.

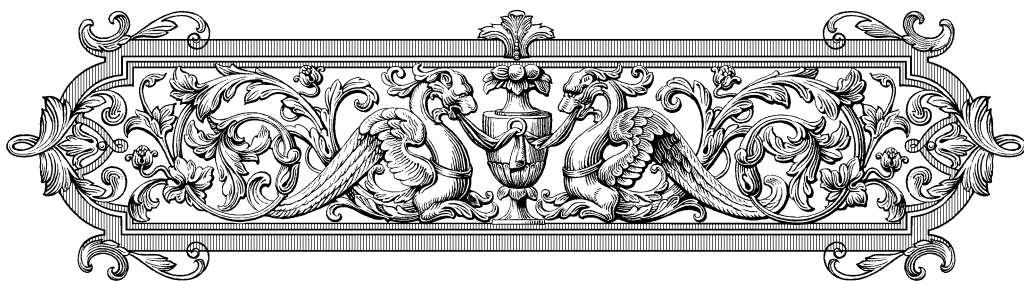
Высшая власть даже не социальна, не политична. Высшие формы власти духовны, культурны, синкретичны. Здесь прав Толстой: миром правят не те, кто причиняют страдание, а те, кто страдают. Сила, может быть, у первых, но власть и истина у вторых.

Величие власти сравнимо только с ее позором.

Исторический процесс, культивируя власть и все более демократизуя общество, оставлял все более обширные ниши, где шел обратный процесс — тоталитаризации общества и сосредоточения невиданной власти в руках фюреров и вождей. Прогресс и регресс института власти как бы шагали в ногу — как добро и зло: чем глубже была демократизация общества *там*, тем грознее проявлялись тоталитарные тенденции *здесь*.

В воззвании К политическим деятелям Великий Пилигрим писал:

И по мере того, как власть достигала все большей и большей степени силы, она все более и более обнаруживала свою несостоятельность: все более и более становилось очевидным внутреннее противоречие, заключающееся в понятии благодетельной власти, и насилия, составляющего сущность всякой власти; становилось очевидным, что власть, для того, чтобы быть благодетельной, должна быть в руках самых лучших людей, находилась всегда

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Глава 1. ВЛАСТЬ</i>	5
Да здравствует власть!	5
Власть и знание	16
Власть — это человек	23
Господин-раб	26
Arcana imperii	32
Похоть господства?	34
Tels Quels	40
Культ власти, или психология тоталитаризма. Дайджест	44
Почему при социализме к власти приходят худшие? Дайджест «Дороги к рабству» Ф. А. Хайека	58
Тоталитаризм	63
Всё течет	67
Тоталитаризм. Продолжение	71
Всё течет	75
Тоталитаризм. Продолжение	77
Всё течет	85
Тоталитаризм. Продолжение	86
Всё течет	89
Тоталитаризм. Продолжение	91
Всё течет	101
Тоталитаризм. Продолжение	103
Всё течет	105
Тоталитаризм. Продолжение	106
Всё течет	109
Тоталитаризм. Продолжение	110

Всё течет	113
Тоталитаризм. Продолжение	115
Отступление об утопии	116
Тоталитаризм. Продолжение	119
Манеж и другое. Из писем	127
Тоталитаризм. Окончание	128
Одлян, или воздух свободы	133
После утопии, над Атлантидой. Дайджест	140
Бандократия	143
Отступление о Джонатане Уайльде	146
Бандократия. Окончание	148
 Глава 2. ДЕМОКРАТИЯ И ЭЛИТА	153
Основы демократии. Дайджест	153
Демократия как процесс	156
Жизнь	163
Тележка с яблоками	169
Табун	173
Фюрерская демократия	175
Принцип большинства?	177
Теория Эрроу	178
Варианты пути	181
Ирония демократии — элита?	184
Парето, Моска и другие	188
Элитизм и тоталитаризм	194
 Глава 3. ОТ 12 ЦЕЗАРЕЙ ДО БЕСНОВАТЫХ	199
Цари и поэты	199
Немного о культе героев	202
«Спасители мира»	208
Тиберий	212
Нерон	214
Калигула — от Светония до Камю	218
Цезарь, лысый череп	223
Култ героев: от теории к практике	228
Квинтэссенция человечества или маньяк войны	232

Сатрапы	242
Отцы народов — кто они?	247
Отцы народов — кто они? Продолжение	250
Отступление о страхе	264
Отцы народов — кто они? Окончание	266
Вожди и масса, или свинопас, повелитель мужей	267
Откуда берутся Гиммлеры?	272
Бесноватый	278
Всё течет	295
Всё течет. Продолжение	300
Иосиф Сталин, клинический случай несексуального садизма? (По Э. Фромму)	304
Всё течет. Окончание	307
Председатель	308
На скамье подсудимых — геноцид. Из газет	310
Полководец	311
In tyrannos	314
 Глава 4. ЕДИНОЕ НА ПОТРЕБУ?	 319
Немного истории	327
Еще раз о Левиафане	330
Политология Канта	333
Политология Ницше	337
StratolatRIA	343
 Глава 5. ПАТРИОТИЗМ	 351
Что такое патриотизм?	351
Репетиция оркестра, или как ноты могут спасти нас	367
А у нас?	371
Кровожадный патриотизм	376
Патриотизм — это боль	384
Национализм рогатого скота	387
 Глава 6. ФЛОРЕНТИЙСКИЙ СЕКРЕТАРЬ	 391
«Государь»	397
Pro é contra	398

Политология или человековедение?	404
Макиавелли и мы	408
 Глава 7. ОПРАВДАНИЕ ПОЛИТИКИ	414
Что такое политика?	414
Немного истории	422
Локк	428
Апостол равенства	430
Герцог Отрантский	433
Параллельная акция	435
Пусть что-то произойдет	436
Политика как насилие	439
Проповедуя мораль, сея зло... ..	447
Нам грозит мир	450
Немного о политологии	453
Банкротство	464
 Глава 8. ЧТО ТАКОЕ СВОБОДА?	471
Истерзанный клич	471
Мировая линия свободы	494
От Гоббса до Гегеля	512
Шеллинг, Киркегор и другие	518
Мужество быть свободным	523
Свобода как ужас, свобода как падение	531
Бегство от свободы	535
От Гёте до Бергмана	538
Оеунге	542
Свобода как недостижимость	544
Свобода как рабство	547
Parthesia	550
 Глава 9. СПРАВЕДЛИВОСТЬ, РАВЕНСТВО, БРАТСТВО	555
Вера в справедливый мир. Дайджест	556
Равенство?	559
Где так вольно дышит человек?	570

Глава 10. ПРОГРЕСС?	583
Двадцать пять взаимоисключающих определений	587
Будущее: эйфория или шок?	591
Прогресс материи и прогресс духа	596
Прогресс или вечный возврат?	602
Отрицание прогресса?	604
Конец	609

Глава 11. УМ, ЧЕСТЬ И СОВЕСТЬ, ИЛИ ТОРЖЕСТВО «ПРОМЕЖУТОЧНЫХ» ЛЮДЕЙ	614
Партия или стая?	614
Кормушка для свиней	620
О фюрерской демократии и демократическом централизме	622
Номенклатура. Почти по М. Восленскому	628

Глава 12. САМЫЙ ОРГАНИЗОВАННЫЙ ХАОС, ИЛИ СТАРЧЕСКАЯ БОЛЕЗНЬ КОММУНИЗМА	649
Аппарат	655
Человек-локатор	659
От Шекспира до Бушара, или от города Глупова до города Градова	669
Мы	677

Глава 13. UN ROI, UNE FOI, UNE LOI	683
Двадцать пять определений тоталитаризма	690
Экспозиционизм духа	695
Кое-что об оносороживании	699
Диктатура пролетариата?	701
Государство — ночной сторож	706

Глава 14. ЭКОНОМИКА И ВЛАСТЬ	713
Экономические кризисы и кризисные экономики	717
Мы и они	722
Планирование	732
Новая экономическая политика?	735

Как йеху собственных гуингмов извели	738
Цели	741
Практика	743
Результаты	754
Похищенный рай, или вознесение камня	757
 Глава 15. МУРАВЕЙНИК ВМЕСТО БРАТСТВА	770
Любовь к человечеству... ..	775
...И забвение человека	779
Один брешет, остальные спят	783
Передовое не бывает... ..	786
Рабочие не имеют отечества?	796
Под маской федерации	808
Фиаско	820
 Глава 16. ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК	824
 Глава 17. БЕССТЫДНЕЙШАЯ ЛОЖЬ	841
Стар и славен город Гаммельн	841
Mentiris impudentissime, или Märchen unseres Lebens und Wesens.....	845
Dicis et non facis.....	854
Зовите кошку кошкой	856
Всё расхищено, предано, продано	858
Шутовской хоровод	861
Ночь была исполинских размеров	865
Шигалевщину — в жизнь!	867
Мистика яви, или реальность надо отменить	882
 Эпилог, или НЕСБЫВШАЯСЯ МЕЧТА	884
Конвергенция?	889
Коллапс или надежда?	896
Страданье всегда достоверно	898
Надежда	921